

XX 146
13

Из Архангельска в Москву. 1250 верст на лыжах!

В конце декабря 4 лучших лыжника и бегуна, т. т. Л. Л. Бархаш (снят отдельно наверху), П. П. Скалкин

(внизу), А. Н. Хитров и И. И. Гребенщиков (на общем снимке) вышли из Архангельска на лыжах по направлению к Москве. В настоящее время получены сведения от участников пробега, что полпути пройдено ими благополучно. Все здоровы. Мешают пробегу дикие звери — рыси и волки. Серьезным препятствием явилась также незамерзшая река, которую лыжникам пришлось пройти в брод. Население встречает участников пробега приветливо.

В 64^х ОТДЕЛАХ ГУМ'а
ВЫ НАЙДЕТЕ ВСЕ
ДЕШЕВЛЕ И ЛУЧШЕ

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГУМ'а

дать населению доброкачественный
товар по самым дешевым ценам.

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН

не купит в частной лавке из принципа

ОН ПОНИМ ЕТ, ЧТО

каждый рубль, истраченный
в государственном универсальном
МАГАЗИНЕ,

УКРЕПЛЯЕТ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ

МОЩЬ ГОСУДАРСТВА,

ПОМОГАЕТ ОСУЩЕСТВИТЬ ЗАДАЧУ

ПРОДАВАТЬ ДЕШЕВЛЕ И ЛУЧШЕ

ЧАСТНОГО РЫНКА.

ЗАЙДИТЕ В ГУМ!

„БЮРО КЛИШЕ“

***** Издательства „МОСПОЛИГРАФ“. *****

СНАБЖЕНИЕ ВСЕХ РЕДАКЦИЙ

и ИЗДАТЕЛЬСТВ ГОТОВЫМИ КЛИШЕ

по всем вопросам информации, агитационным кампаниям и
специальным вопросам по запросам редакций и издательств.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ АБОНЕМЕНТЫ для газет с удешевлением стоимости на 75%.

ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАКАЗОВ по удешевленным ценам для всех журналов.

РАССЫЛКА ЕЖЕДНЕВНАЯ за счет Бюро Клише во все концы СССР.

ВЫБОР ИСПОЛЬЗОВАННЫХ КЛИШЕ для всякого рода изданий.

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ.

Адресовать: Москва, Тверская, Благовещенский пер., 3, „Бюро Клише“.

СТРОИТЕЛЯМ.

Стихотворение Т. Щепкиной-Куперник.

Сгорела хижина твоя?
Не плачь же у крыльца родного:
Возьми свой посох в руки снова,
Ищи опять себе жилища.

Поднявшись утренней порой,
Берись ты с песнею за дело;
Смотри в глаза работе смело,
Трудишься без усталости — и строй!

Ищи источников воды,
Неси тяжелые камни...
Судьба за бодрый дар терпенья
Вознаградит твои труды.

И ты построишь новый дом,
И новый сад создашь в пустыне,
Служа немеркнувшей святыне
Любовью, правдой и трудом!..

Т. Щепкина-Куперник.

В МУТНОЙ ВОДЕ.

Рассказ Юрия Волина.

— Еще этого не хватало! И кто вас направил сюда? Это предательство! Это чорт знает что! Город эвакуируется! Через несколько часов, может быть, город будет в руках белых! Надо вывести ценное имущество, надо отправить советские учреждения, партийных работников. Паровозов не хватает. Мы разрываемся на части. И в это время... Нет! Это же просто непостижимо!.. В это время—здравствуйте, к нам пожаловали артисты! Два раскрашенных вагона с каким-то передвижным «агит-театром»... А?.. Ну, что я с вами буду делать?

Так горячился комендант станции. Приехавшие циркачи были смущены. Только Пригожев, «заведующий» и

«уполномоченный», режиссер и главный администратор (все предприятие так и называлось: «пригожевский передвижной агит-театр»), только Пригожев был спокоен и даже весел.

— Не волнуйтесь, товарищ комендант!—отвечал он,—ведь мы не требуем немедленной приценки. Занесите нас в очередь. Мы здесь и пригодиться можем, кто знает?..

Коменданта это успокоило, а труппу еще больше смутило и взволновало.

— Ты с ума сошел, Пригожев!—наступали со всех сторон на распорядителя.—Сразу сдал позиции! «Занесите нас в очередь»!.. В какую очередь?.. В последнюю?.. Что бы нас захватили здесь белые?.. Ты просто балда, Пригожев!

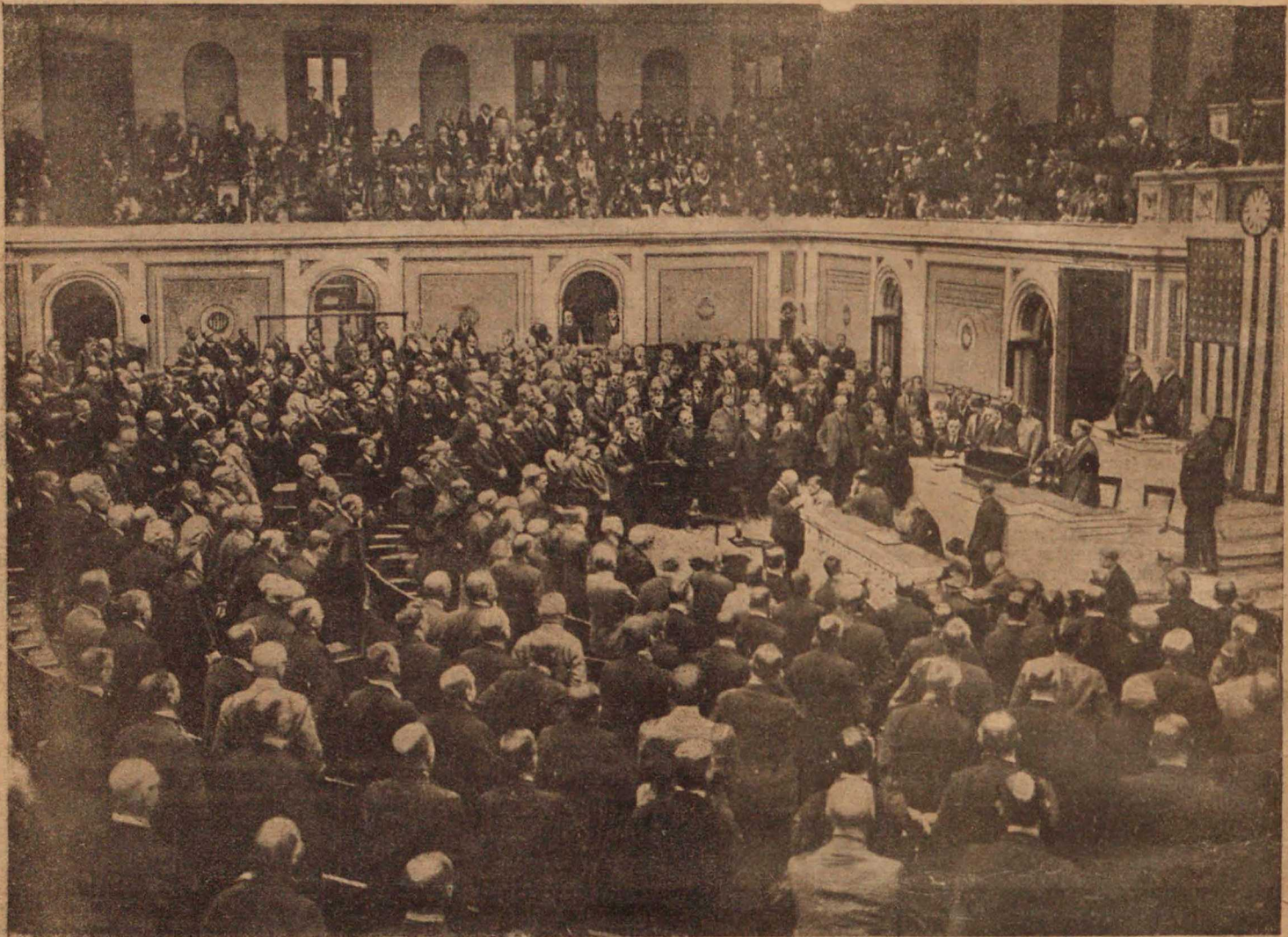
АНГЛИЙСКИЙ „ОСТРОВ СЛЕЗ“.

Фот. Р.-Р.-Н.-С.

Достаточно знаком всему миру американский остров Эллис-Айленд—у въезда в Нью-Йорк. В английской гавани Саутгемптон существует такой же остров, где въезжающие в Англию эмигранты подвергнутся унижительным осмотрам и испытаниям. Недели и месяцы проходят грезде чем несчастным выходцам из России, Австрии, Польши и др. гих стран разрешают сойти на «благословенный» британский берег. Строгости относятся не только к въезжающим в Англию искателям и тризачного счастья но и к следующим в Америку и гроходящим таким образом, два или более осмотра эмигрантам. На нашем снимке—несколько русских и польских семейств, запертых в бараках этого острова и ожидающих санитарного осмотра.

Советская Россия и Америка.

На нашем снимке — памятное заседание американского конгресса, где оглашалось известное обращение президента Куллиджа, послужившее поводом для ноты Г. В. Чичерина и клеветнического выступления государственного секретаря Юва. Члены конгресса стоя выслушивают речь Куллиджа (на ораторской трибуне)

Индейцы в Лиге Наций.

Парижские и лондонские заправилы международной политики очень любят инсценировать различные делегации из далеких и мало кого интересующих стран. Это должно повидимому свидетельствовать о незероятном авторитете «Верховного Совета» и других мишурных организаций Лиги Наций среди всякого рода туземцев. Снимок с прибывшей в Лондон делегации индейцев последние вымирающие краснокожие достаточно убеждает в том, что эти хорошо одетые «индейцы» с чемаданами уже достаточно оторвались от забытых американских кочевников и делегированы от своего собственного имени.

Пригожеву
хоть бы что-
Смелся, огрыз-
нулся:

— Труссы вы,
товарищи!..
Испугались ва-
наха пороха!..
Просились на
фронт, а как
пошли побли-
же, пугаетесь
в бега!.. «За-
хватят»... Да
кто вас захва-
тит этих?..
Очень вы нуж-
ны Врангелю!..

И чтобы по-
кончить с этим
вопросом, ав-
торитетно за-
ключил:

— Наконец,
ответствен-
ность на мне од-
ном. На мне, не
на вас. Я знаю,
что делаю.

Труппа—две
нацать муж-
чин и восемь
женщин — ра-
стерянно поки-
нула помеще-
ние комендан-
та станции и по-
брела к своим

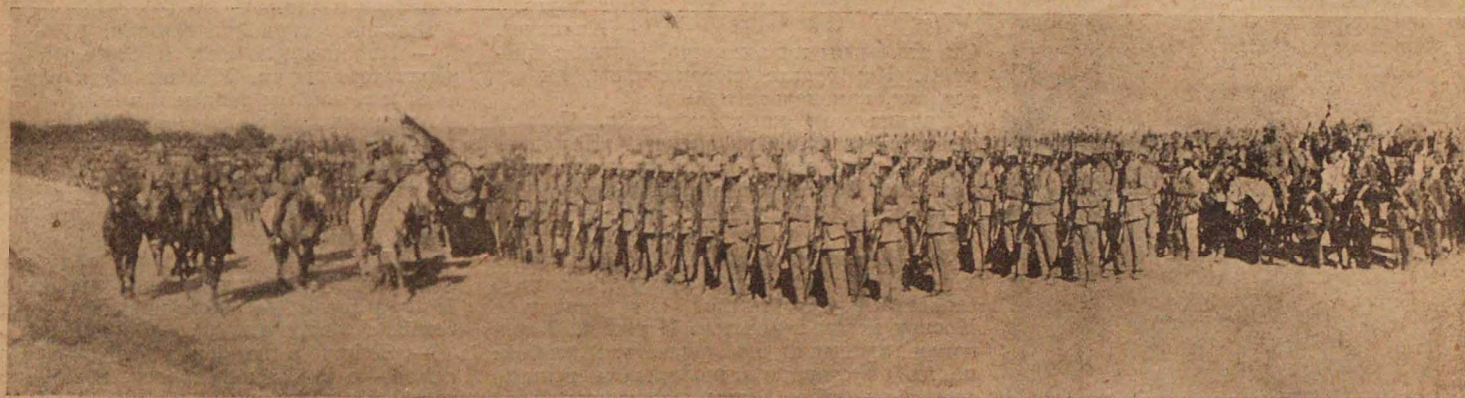
Англо-афганский конфликт и СССР.

Англия потеряла возможность соперничать с Россией, переставшей добиваться единоличного владения проливами. Вторым клубком событий, служащих поводом как для дальнейших посягательств лорда Керзона на свободу восточных народов, так и для провокации по нашему адресу сделалось независимое государство Афганистан. Недавно выступление английского посла в Афганистане имело целью отдалить СССР от сближения с восточными государствами и народами, ищущими защиты и симпатии со стороны пролетарской республики.

Поводом для этого ультиматума послужило странное убийство майора пограничных британских войск.

Полномочный представитель СССР в Афганистане Ф. Ф. Раскольников, находящийся сейчас по делам службы в Москве.

Г-н Гулам Наби-Хан, полномочный посол Велик. Независ. Госуд. Афганистана.

Эмир афганский Амманула-хан принимает парад своих новых военных частей, вызывающих столь сильную тревогу лондонского министерства иностранных дел.

двум вагонам, отведенным на дальний запасной путь.

II.

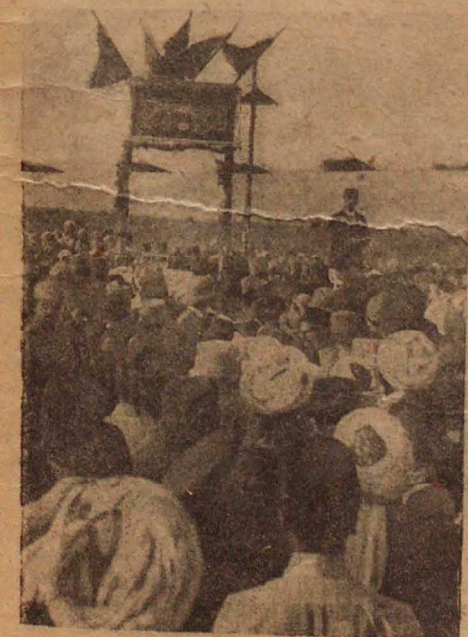
Удивительное зрелище представлял вокзал:

Эвакуация была неожиданной. Город уже около года был советским. Фронт отодвинулся на значительное расстояние. «Ревком» уже сменился мирным Исполкомом. Сеть советских учреждений успела развернуться полностью. Город даже не был на военном положении.

Совершенно неожиданно пришла весть о появлении врангелевских войск со стороны моря. Верстах в тридцати от города высадилась неприятельская часть. Величины и силы неприятельской армии не

Сходка вождей мятежного афганского племени вазирьев, которым англичане приписывают убийство «офицера его величества».

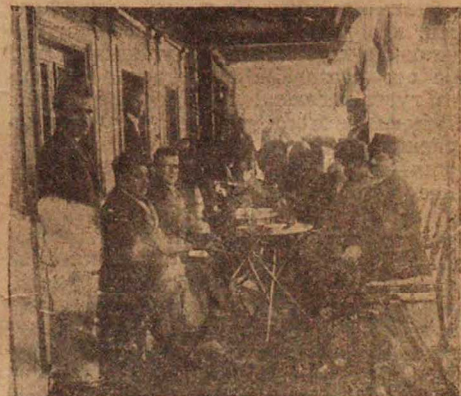
Эмир Амманула-хан произносит речь при закладке новой столицы Афганистана, города Дер-Уль-Аман.

знали. Решено было, на всякий случай, очистить город, подготовиться к сдаче его с наименьшими потерями.

Лицо поднявшегося с места города было волнующе-новое, содержательно: напряженно-трагическое и в то же время деловито-веселое лицо двинувшегося города.

Вагоны — сотни вагонов — загрохотали все пути, и в каждом вагоне были самые неожиданные люди и самые неподходящие вещи. В салон-вагон тащили тюки с товарами, пишущие машины, мешки муки. В грязный скотский вагон набились женщины в белых летних платьях с детворой и домашней утварью. На платформы грузили мягкую мебель, зеркала и пианино, а рядом, на земле валялись тщательно завязанные тюки, и какой-то нервный человек истерически вопил:

— Чье пианино?.. Чьи граммофоны?.. К черту эту дрянь!.. Выбросить!.. Это подлость занимать всяким хламом ваго-

Банкет в полпредстве СССР. Ф. Ф. Раскольников и афганский министр Мухамед-Бали-хан играют в шахматы после банкета. Рядом с Ф. Раскольниковым — афганский министр финансов Мир-Мухамед-Хашим-хан.

Греческие перевороты.

Фот. А. N.P. Paris.

Наверху—здание греческого парламента, где «творятся» миниатюрные революции.

Ниже—портрет Элевтерия Венизелоса, многолетнего греческого премьера и верного раба Антанты, получившего от афинского парламента приглашение снова приехать и править Грецией.

ны!.. Тут ценное имущество, народное достояние, поместить некуда, а они зеркала и канареек вывозят!.. Где комендант?.. Кто здесь распоряжается?..

Пути станции были похожи на узенькие улочки среди тесно примыкающих друг к другу низеньких домов. Древне-азиатским селением казался вокзал. И горячее солнце, и невероятная толча, и смесь перебранки со смехом и песней, и пестрота одежд, и повышенный темп жизни внутри домиков-вагонов и вокруг в улицах-шеллах,—все это создавало впечатление ярмарки в густо-населенном восточном городе.

Тревоги не было; она рассосалась в напряженной деловой суете. Казалось, эвакуация—нечто «в порядке вещей», хлопотное и нелегкое, но не потрясающее. Было так потому, что уезжали в большинстве люди, легкие на подъем, не бывательской складки, привыкшие переноситься с места на место со своими узлами, ундервудами и тюками литературы... Уезжали ответственные работники советских учреждений, партийцы, уполномоченные столичных кооперативов, прибывшие для заготовки продовольствия, многочисленные ревизоры, инструктора, обследователи—все люди с большими мандатами, маленьким багажом и постоянной готовностью сорваться с места.

Не было ни тревоги, ни страха, ни даже особенной печали: велика важность сдать

Он, что бы вы ни говорили, малый с башкой!.. Уж будьте благонадежны, он все устроит, как нельзя лучше!

Трупа уже не волновалась. Чего в самом деле нюни распускать? Не одни, ведь! Целый город в таком положении, как они! На миру и смерть красна!

— Одна беда: хлеба нет!—напомнил кто-то.

Это, действительно, было большим осложнением. Могли ли они думать, что надо запастись продуктами? Они покинули Москву месяц перед тем. И уже за Харьковом привыкли не запастись хлебом: на любой станции было вдоволь всякого продовольствия. Они наслаждались этой жизнью «без запасов», совсем, «как когда-то»...

— На вокзале ни за какие деньги ничего не достанешь,—замечил один.

— Я уже отвыкла голодать,—меданхологически сказала худенькая певица.

Все разрешилось с появлением Пригожева.

Он пришел бодрый, оживленный.

— Ну, товарищи!—весело заговорил он.—Неприятель еще далеко. Раньше чем через два-три дня его не ждут. Я думаю сходить в город, повидаться кой-с кем.

— А если нас в это время увезут?—встревоженно заметил кто-то.

— Как же! Жди! Так тебя первого и повезут! Уж во всяком случае, сутки нас не тронут!.. Я все узнал. Я отправлюсь в город. Кстати, накуплю кой-чего съестного.

— Вот это дело!—

обрадованно подхватили в труппе.—Побольше захвати. Возьми с собой кого-нибудь.

— Я и сам так думал. Только мужчинам неудобно. Нужны пропуски. Я добыл только для себя. Товарищ Ангарова, вы пойдете со мной?

Ангарова смутилась, покраснела. Потом сделала усилие над собой, выступила вперед:

— Отчего же... я с удовольствием, товарищ Пригожев.

Они ушли.

Их провожали улыбка, многочисленные и взглядами, а когда они отошли подальше, рядом шутливых замечаний.

город! Сегодня сдали, завтра — назад возьмем! Видели мы эти штуки!..

III.

У раскрашенных вагонов «передвижного агиттеатра» собралась вся труппа.

Не было только Пригожева.

— А где Пригожев? — спрашивали друг друга.

— Хлопочет.

Еще бы. Кто же не знал, что красивый и ловкий Пригожев давно наметил стройную, гибкую с египетским профилем танцовщицу Ангарову.

И многие успели заметить, что и эта странная, замкнутая в себя, молчаливая красавица понемногу начинает сдаваться и не без удовольствия остается наедине с Пригожевым.

— Их частное дело!—такой вывод сделал комик Самарин.—Только бы про хлеб не забыли... И баклажаны прихватили бы! Страсть люблю баклажаны!

IV.

Солнце уже заходило, когда Пригожев и Ангарова пересекли привокзальную площадь и пошли по улице.

— Послушайте, товарищ Пригожев,—начала разговор Ангарова.—Давайте, в первой лавочке накупим всего что нужно и пойдем назад.

Пригожев спокойно ответил:

— Напротив, милая, я совсем не намерен торопиться. У меня здесь родные, дядя и тетка, мы зайдем к ним.

Ангарова тревожно спросила:

— Это далеко?

— Да, не близко.

Девушка остановилась.

— Как же?.. Ведь... Послушайте, Пригожев, ведь, будет темно...

— А, вы боитесь темноты, голубушка моя? Почему же вы меня не предупредили? Я пригласил бы кого-нибудь другого. Скажем, Лидову...

— Я ничего не боюсь, товарищ Пригожев,—с внезапной строгой серьезностью заговорила Ангарова—я ничего не боюсь, кроме одного: быть отрезанными от наших... Ведь, я думаю, вечером запрещено ходить, военное положение...

— У меня есть пропуски.

— Потом, товарищ Пригожев... Ведь, они ждут!.. Они есть хотят!

— Пустяки. Поголодают немного. Отъелись, слава богу!.. В Москве раз в три дня обедали, а тут жрут, жрут, не нажуртятся!

— Однако, Пригожев...

Пригожев остановился, взял Ангарову за руку.

— Милая вы моя! Не будьте такой скучной! Посмотрите, какая великолепная погода... Какая красота кругом!.. Давайте, забудем о делах. У нас есть так много о чем говорить.

Греческие перевороты.

Фот. P.-P.-N.-S.

После войны 1914—1918 г.г. Греция геременила уже несколько королей и президентов разные партии то и дело свергают кабинеты, министры меняются в креслах построенного в стиле Акрополя парламента и казематах соответствующей тюрьмы. Сейчас из Афин снова выгнали короля Константина за две недели уже успело смениться два регента престола.

«Огонек» воспроизводит довольно радостные проводы греческого короля.

Первый фашистский выстрел в Польше.

От варшавского корреспондента «Огонька».

Недавно демократическая Польша на многочисленных митингах и собраниях почтила память коварно убитого год тому назад первого президента Польской Речи-Посполитой, Нарutowича.

Нарutowич прибыл в Польшу с лучшими заветами западно-европейского профессорского демократизма. Он верил в демократию и мечтал

привить ее в Польшу, куда он поспешил на первую весть о ее освобождении и бросил науку, университет и друзей.

Нарutowич слишком долго находился вне границ Польши.

Ему были неизвестны те начала, которые внесли в освобожденную Польшу ученики трех могущественных монархов—царской Рос-

сии, вильгельмовской Германии и габсбургской Австрии.

Свое неведение Нарutowич окупил ценою жизни 16-го декабря 1923 г. в зале осенней художественной выставки, на открытие которой он прибыл.

Убийца Нарutowича, художник Невядомский впитал в себя весь яд современной разлагающейся Польши. Воспитанный на заветах бойкота евреев, погромов и вильгельмовского ausrotten, которое стало альфой и омегой польской политики, всецело осуществляемой на украинской, белорусской и других окраинах, неудачник Невядомский, страстно мечтающий о вечной славе, этот Герострат современной Польши, удачно избрал цель для своего выстрела. Против Нарutowича вела ужаснейшую травлю польская реакция за то, что Нарutowич, избранный голосами, среди которых были голоса нацменьшинств, без всяких колебаний принял пост президента.

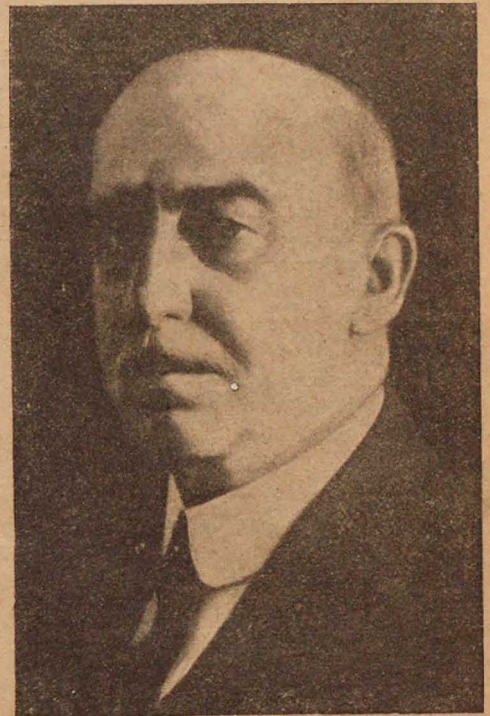
Невядомский решил отомстить человеку, который мог принять высший пост в Республике из рук «евреев и врагов Польши».

Невядомский добился своего. Его выстрел в спину первого польского президента был одобрен польскими фашистами и признан первым фашистским выстрелом в Польше. Расстреленный после суда Невядомский был канонизирован польскими фашистами и его могила стала Меккой для всякого рода фашиствующих студентов, неоперившихся поручиков и истерических старых дев.

И. Мечиславский.

Художник-фашист Невядомский.

Первый польский президент Нарutowич, предательски убитый Невядомским.

ПРОБУЖДЕНИЕ ВОСТОКА.

От самаркандского корреспондента «Огонька».

Ангарова просто и искренне ответила — Непокорно на душе, Пригожев. Я рада быть с вами, слушать вас. Но, поймите Пригожев, время, обстановка... неспокойно на душе, Пригожев!

Пригожев посмотрел ей прямо в глаза своими большими серыми выразительными глазами:

— Вы мне верите, Надя?

— Верю,—тихо отозвалась она.

— Знайте же. Я делаю так, как надо. Вы раскаиваться не будете.

Она замолчала. И долго после этого шли они молча.

Улицы были пустыни. Многие ставни были закрыты. Из редких окон выглядывали,—осторожно, бочком—испуганные физиономии.

На одном перекрестке стоял грек с корзиной арбузов и дынь.

— Хотите дыню, Надя?

— Хочу.

Но торговец, не допуская дотронуться, спросил:

— А какой деньга платить будишь?

Пригожев, передразнивая его, отозвался:

— А какой деньга подучать будишь?

— Николаевки давай, керенки давай, донские давай, савецки не берем!

Пригожев вынул из кармана николаевскую ассигнацию—целую пачку николаевских ассигнаций—получил сдачу, захватил дыню.

— Откуда у вас такие деньги, Пригожев?—спросила Ангарова.

— Я, милая, человек запасливый и осторожный,—отозвался Пригожев.—Вы еще узнаете, меня.

V.

Она узнала его, спустя час, в доме его дяди.

Их встретили радушно, хорошо накормили.

— Моя невеста, Надежда Львовна Ангарова,—так отрекомендовал девушку Пригожев.

Слева на право: стоит докладчик областного суда т. Абулаев, сидят председатель угорисполкома т. Мирджамалов, секретарь т. Князов и зав. отделом управления т. Богданов.

Одним из печальных пережитков прошлого Туркестана являются суды «Шариат-Кази», сохранившиеся в мусульманских массах до настоящего времени.

Шариат—национальный местный духовный суд, решающий дела на основании законов, основанных на коране. Ясно, что при сохранении этих судов усиливалась и руководящая власть мусульманского духовенства.

После революции Туркестан сбрасывает с себя старые путы, и, что всего знаменательнее, начинают просыпаться и те про-

мадные (крестьянские) массы, которые много веков находились под религиозным гипнозом мулл. Это пробуждение, между прочим, ярко выявляется в Самаркандской области и в том, что мусульманское население все реже и реже стало обращаться к духовным судам, заменяя их судами советскими.

На нашем снимке Самаркандский угорисполком выслушивает доклад члена коллегии Самарк. обл. суда о работе среди кышлачного (деревенского) населения—старого суда.

Жермена Бертон.

Даже составленный из закоренелых мракобезов парижский трибунал не нашел в себе мужества осудить представшую перед ним 19-летнюю Жермену Бертон, год тому назад застывшую одного из вождей французской «несогласной банды» Action «Française». Этот громкий процесс почти на неделю всколыхнул засыпавшие при режиме Пуанкаре будни французской общественности, вообще чрезвычайно падкой к судебным словосочетаниям.

На снимке «Огонька» — Жермена Бертон после боевого заключения. Рядом «сидит» парижского трибунала, облачающегося для этих церемоний в дождевые пальто, а в центре — главный свидетель обвинения и друг убитого Бертон секретаря Action «Française» Мариуса Плато.

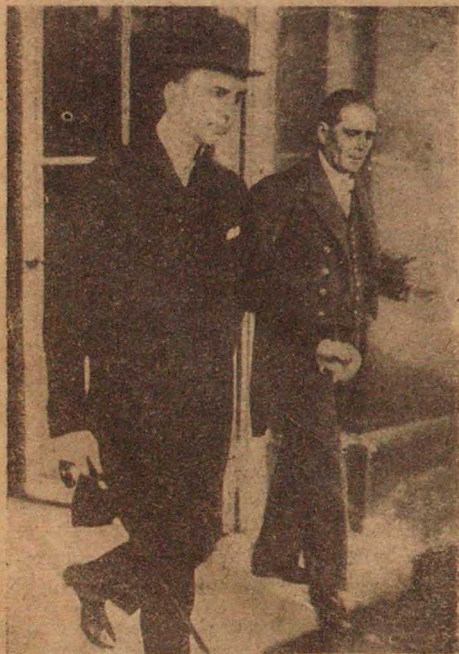
Фот. Дик. Грауденц.

Жермена Бертон — перед «пленумом» парижского трибунала.

Борьба с Версалем.

Фот. Р.-Р.-Н.-С.

Германия продолжает добиваться хоть минимального облегчения каторжных условий Версальского и всех из него вытекающих договоров. Снятый Сгоним при выходе из парижского министерства иностранных дел доктор Геш ведет переговоры с Пуанкаре о восстановлении правильных дипломатических сношений между Францией и Германией.

Она покраснела, стиснула губы, ничего не сказала.

После обеда, дядя с племянником пошли в соседнюю комнату, поговорить о делах. Тетка, поболтав о ценах, о тяжести жизни, о Москве, извинилась и пошла хлопотать по хозяйству.

Ангарова осталась одна. Мысль об оставленных на вокзале товарищах, ни на минуту не выходила из головы. Было не по себе. Начала перелистывать альбом.

Совершенно случайно заинтересовалась разговором мужчин, доносившимся из соседней комнаты.

— Тяжелый год пережили, — говорил дядя. — Теперь, слава богу, конец. Уходят. Вышло лучше, чем я ждал. Я, братец мой, умею дела делать. Я заведывал хозяйством большого учреждения. У нас тут в складах и мануфактура, и обувь, и всякое добро. Сам понимаешь, что я от этой комбинации в убытке не буду.

В ответ раздался короткий смех, и веселый голос Пригожева:

— И мы, дяденька, не лыком шиты. Такую комбинацию придумал, что сам собой люблюсь. Вы только представьте себе, дяденька. Организовать «агит-театр», провести во всяких канцеляриях поездку, получить ассигновки, вагоны и поехать прямо «в плен»... А? Ведь, недурно... И масса osloбoждeний. По пути разменять казенные деньги на николаевские, держать ухо востро, приехать сюда в самый день сдачи города... И при том еще с такой невестой... Ведь, правда, очаровательная девушка?.. Когда мы приедем в Берлин...

Дальше Ангарова не слушала.

Шатаясь, дошла она до дверей.

Вышла на улицу, и здесь сразу бросилась бежать.

— Какая подлость!.. Какое предательство!..

Так шептала Ангарова на бегу.

Потемнело. Куда бежала она: к вокзалу или в обратную сторону?

Спросить не у кого. По пустынным улицам время от времени проносятся военные патрули. Обратиться к ним Ангарова не решается; напротив, при приближении патруля прижимается к стене, старается, чтобы ее не заметили: ведь, у нее ни пропуска, ни вообще какой-либо бумажки, все у него, у подлеца!

Она сворачивает с одной улицы на другую, проходит какую-то площадь... Кажется, раньше этой площади не было на их пути... И моста не было. Где она? Куда она попала?

Она сворачивает назад, бежит в обратную сторону. Попадает в какой-то тупик. Выбирается из тупика. Вокруг нее оказы-

Покушение на Клемансо.

На знаменитого тигра, одного из творцов мировой войны и автора Версальского договора недавно было произведено покушение. Клемансо уцелел и от этого выстрела. Доживающий свои дни 80-летний политикан снят в своей парижской вилле, где он после покушения и предшествовавшего ему двухлетнего пребывания в Египте, сейчас поселился.

ваются парк со скамьями, с эстрадой, цветниками, киосками...

Дальше идти нет сил.

Она присаживается, склоняет голову на спинку скамьи, чувствует что впадает в забытие.

— Нет, нет! Бежать! Поехать! — шепчет она.

Делает усилие над собой, встает, плетется дальше.

В конце концов, падает в изнеможении на траву.

От горячей ласки полуденного солнца проснулась Ангарова.

Сразу вспомнила все и обмерла от отчаянья.

— Опоздала!.. Отрезана!.. Предана, как все... Хуже всех!..

Встать было тяжело, болела грудь, болевли ноги.

Все же поднялась, оглянулась, вышла из парка.

Сразу бросилось в глаза какое-то бодрое оживление в городе: открытые лавки, множество подвод, кучки людей, горячо обсуждающих что-то.

И вдруг, неожиданной вестью о спасении донеслись звуки Интернационала... Значит, она не в плену, город не в руках белых, она не отрезана от своих...

Сразу окрепнув от этого сознания, она тверже пошла по улице, остановилась перед афишей—приказом военкома: «Неприятельский отряд уничтожен. Эвакуация отменяется. Граждане призываются к возобновлению мирных занятий»...

— Товарищ, как пройти на вокзал?—спросила Ангарова у стоящего рядом с ней возле афиши человека.

— Все с вокзала, а вы на вокзал,— усмехнулся тот.

Она не стала пускаться в объяснения, узнала дорогу и побежала.

VII.

Этого она никак не могла ждать: Пригожев был здесь, сидел за своей конторкой, писал что-то.

Увидел ее. Тень прошла по его лицу. Строго спросил:

— Товарищ Ангарова, где изволили пропадать?

Она ничего не ответила. Ненависть и отвращение сдавили горло. Если бы они были одни, она, может быть, подошла бы к нему, ударила его, плюнула бы в лицо.

Только через несколько минут она отошла.

Сказала громко и спокойно: — Гражданин Пригожев, вы бы сделали им лучше, если бы сдали кому-нибудь все дела и суммы.

Пригожев как-то странно фыркнул, бросил на нее огненный взгляд, встал:

— Бедная Ангарова со страху снятила ступа... Надо пригласить врача... В соседнем вагоне есть врач. Одну минуточку, я сейчас вернусь с ним.

И Пригожев вышел.

— Держите его!—крикнула Ангарова. — Подлец, предатель!.. Бежал!..

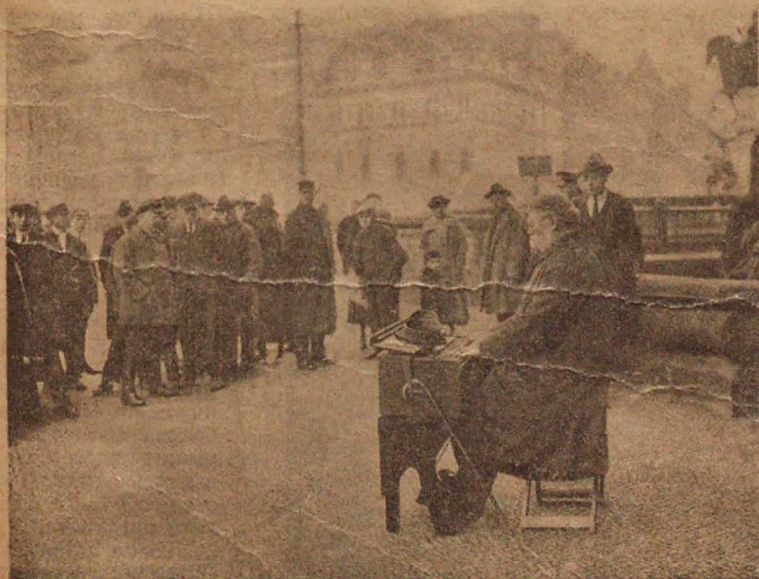
Товарищи жалостно смотрели на нее и впрямь рехнулись, бедняжка! Конечно, никто не побежал в догонку за Пригожевым.

Так исчез он навсегда, оставив трупку без средств и даже без удостоверений и мандатов и прав на «прицепку»... все было у него, как у ответственного распорядителя...

Ю. Волин.

На улицах Берлина.

Фот. Дж. Грауденг

«Сокращенный» органет одной из берлинских церквей, установивший на лице небольшой орган, добывая этим себе пропитание, а равно и доставляя развлечение толпе собравшихся вокруг него еще не приспособившихся безработных.

Новые великокняжеские профессии.

Фот. Р.-Р.-Н.-С

Г. К. Романов — приказчик лондонского ювелирно-антикварного магазина.

Лишенные своего величия, бывшие наследники императорского престола проявляют свою инициативу и способности во всех отраслях непроизводительного труда.

Печальной памяти Александр Михайлович Романов, сиятельный авантюрист, вызвавший своими спекуляциями ропот даже придворного Петербурга, теперь объявил себя... пророком. Бывший любимец Николая и «патор» императорских аэроклубов, скаковых и благотворительных обществ основал сейчас «Союз душ» и создает из десяти экзальтированных поклонниц новую «секту», вернее кружок для тех или иных «радений». На фо-

А. М. Романов, объявивший себя... «пророком».

тографии этот Романов, из последних изображен в своем парижском кабинете за серьезной и достойной его бывшего приятеля Распутина «философской» работой.

Другой отпрыск «царствующей» фамилии, Георгий Константинович избрал себе более производительную специальность. По рекомендации своей родственницы—королевы английской—он поступил на службу в крупный лондонский ювелирно-антикварный магазин. Наш снимок дает портрет экзальтированного юноши за приемом покупателей.

ХИРОМАНТКА—В КВАРТИРЕ 39.

Рассказ М. Козакова.

Такая надпись—водянистыми, расплывшимися чернилами—под аркой ворот на стене, где висит полицейская доска с извещением домоуправления, а лентой с улицы—над навесом кавказского погребка построены оттиском каучуковых букв и наклеены белые бумажки:

Известная всему Петрограду психолог и хиромантка.

20-тилетняя практика.

По линиям рук и чертам лица с детства определяю всю судьбу, склонности и способности людей.

Тибет и Далай-Лама.

Самоотверженный английский путешественник Мак-Гуверн недавно проник в запретную для всякого европейца столицу Тибета Лхассу и был даже принят Далай-Ламой. Мак-Гуверн проник туда переодетым но, несмотря на всяческие ухищрения, попал в тибетскую тюрьму откуда выпутался лишь благодаря ряду хитростей, а также помощи преданных ему туземных проводников.

Интерес отрезавшего себя от всего мира Тибета к европейцу был так велик, что даже окруженный невероятным количеством стен и стражей «наместник будды на земле» его святейшество Далай-Лама захотел увидеть путешественника и впервые позволил ему себя снять.

Первый в мире снимок Далай-Ламы.

Потала—дворец Далай-Ламы. В кружке—сам путешественник Мак-Гуверн.

Жители Лхассы, подданные Далай-Ламы, перед невероятной диковинкой—кино-аппаратом Мак-Гуверна.

Об отсутствующих узнаю по фотографическим карточкам и по почеркам. Предупреждаю несчастные случаи и даю советы по устройству семейных и прочих дел.

Плата доступная. Прием с 6 и до 10 вечера, в воскресенье—с 12-ти часов дня.

Во дворе, направо, последний подъезд, кв. 39.

А чтоб не ошибиться прочитавшему, — синим карандашом подчеркнуты в разбивку слова:

Прошу не смешивать с гадалкой в кв. 10.

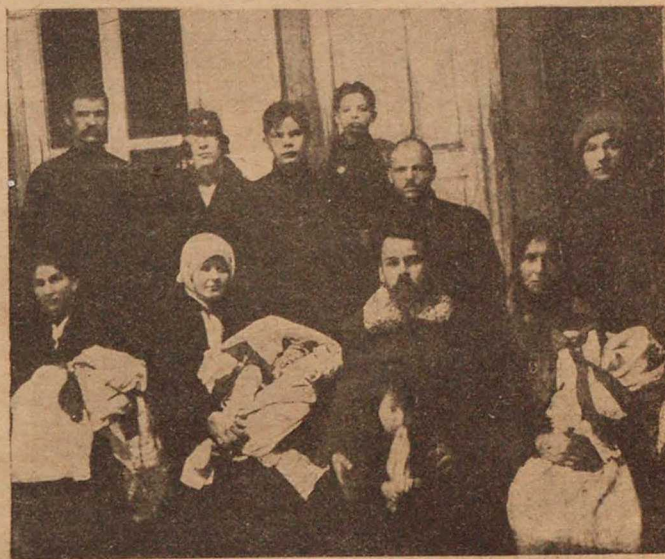
И такие-же листочки раздает часто у дома на Загородном мужчина с провалившимся широкообразным носом, в мешковатом пальто до самых пят и со свисающими двумя рогами-усами как у голевого Бульбы. Сует молчаливо проходящим в незанятые руки, сует, не говоря ни слова, как будто боясь показать из-под рыжих усов почти выкорчеванный болезнью рот—в язвочках, протухший.

И, если только кто заинтересуется и спросит, — рыжеусый мужчина зашевелит рогами и языком выдавит по гнойничкам десен:

От нашего брянского корреспондента.

Туземные музыканты на улице Лхассы.

В Брянске в театре «Металлист» произошли первые советские «крестины». Новорожденным сыновьям рабочих завода Красный Арсенал дали имена Маркс, Камир (Коминтерн—авангард мировой революции) и Лир (локомотив истории—революция). Новорожденные получили подарки—от Губженотдела по куску мануфактуры, от отд. мат. и млав. приданое—бумазеевые распашонки, чулки и проч., от юных пионеров костюмы и значки пионеров. «Вместо креста—символа терпения—сказал представитель юных пионеров, обращаясь к новорожденным—мы преподносим значек юных пионеров, с подписью «будь готов». Громкими аплодисментами приветствовал новорожденных, «до отказа» переполненный рабочими и работниками, зал театра.

Наши новые серебряные деньги.

— Исключительная знаменитость, гражданин... Русский самородок-психолог... Удивляться надо. Советую,—и добросовестно берет... В 39-й—не спутайте только...

«Самородок-психолог» в тридцать девятой квартире сидела в черном с манжетами платье от шести и до десяти вечера и ждала посетителей, а с утра и до конца занятий то стояла в облезлой шубенке «курьершей Белозерской» в транспортной конторе, то разносила во все концы города под расписку пакеты.

Но этого никто не должен был знать,—ни частная транспортная контора, кормившая курьершу, ни те люди с улицы, что берут из рук ее брата—сифилитика белые листочки рекламы: для одних—«курьерша Белозерская» с жидковолосатым подбородком, как у художнички, для других—«известная всему Петрограду» хиромантка с ястребиными глазами с узким разрезом, обсеянным снизу желтоватыми бородавочными прыщиками—Антонина Григорьевна Белозерская. А после десяти,—вместо черного платья—клетчатая, домашняя кофточка,—и уже не хиромантка Антонина Григорьевна, а старая, уставшая Тося с застарелой мигренью. Н е т г о н и т не должен внят, как и многого, что известно только ей одной—Тосе.

Когда они вдвоем, Глеб иногда роется в прошлом, роется, словно ковыряет уцелевший во рту пенок, пахнущий, как и он сам, гнилью. Больно, Тося, подумать, как жизнь предательска. Сын губернатора—и не у дел в своей стране—мерзость!.. И ты—гадальщица, по милости голода, и прислуга какая-то... Кто мог подумать...

Тося жаль брата—когда-то проигравшего в карты и казенные деньги, и карьеру, да, вдобавок, ставшего венериком после ухода от него легкомысленной жены—Анны. О себе Тося никогда ни с кем не говорит и с братом—тоже; после одного случая, когда напомнил ей, озлобившись слюняво:

— Молчала-б ты... старая дева!

С шести, как и по объявлениям, хиромантка принимает. Сидит у себя в кресле за круглым столиком с бархатной скатеркой, а на ней карты—плотные, рубашкой вверх.

Карты с какими-то значками и цифрами.

...Сидит и ждет, а рыжеусый гнойниковый Глеб отворяет каждый раз дверь из прихожей, докладывает, будто на службе:

— К вам, Антонина Григорьевна. Принять прикажете?

Нарком финансов Г. Я. Сокольников уже объявил в своем докладе на сессии ЦИК, что в ближайшем будущем у нас будут выпущены серебряные монеты. На снимке «Огонька» мы воспроизводим уже изготавливаемые на Монетном Дворе в Петербурге монеты достоинством в 20, 15 и 10 коп. На каждой монете видно изображение пятиугольной звезды, а на обороте герб с надписью «Пролетарии всех стран соединяйтесь!».

Александр Неверов.

Посмертная автобиография скончавшегося писателя.

Неверов (Скобелев) Александр Сергеевич. Родился в 1886 году, 20 декабря, в селе Новиковке, Самарской губернии, Ставропольского уезда. Отец был приписан к мещанам г. Симбирска, мать—крестьянка неграмотная. Занимались они земледелием. Отец был грамотным, служил унтер-офицером лейб-гвардии Семеновского полка в Петербурге. Впоследствии бросил крестьянствовать, ушел в город. Я родился и вырос в семье деда, по матери, у отца совершенно не жил, и в городских скитаньях с ним не участвовал. Грамоте выучился очень рано, кажется, на седьмом году—самоучкой от старшего брата, который ходил тогда в церковно-приходскую школу. Лет семи или восьми я тоже поступил в церковно-приходскую школу и учился у дядьки три зимы. Кончил ее, по тому времени, хорошо, умел читать, писать и читал разные книжки из приложений к журналам: «Нива» и «Родина», которые выписывали в нашем селе богатые крестьяне, братья Поленовы. Прочитал случайно и «Путешествие капитана Гаттераса», которое разыскалось в книжках отца. Всего теперь не помню. Лет одиннадцати—двенадцати начал писать стихи, совершенно случайно, и писал их лет до восемнадцати, не зная самых элементарных правил стихосложения. Стихи складывались сами собой, конечно, с «рифмой». Думал заняться крестьянством, любил работать в поле: пахал, жал, косил, молотил. Потом потянуло на магазинную службу. Бегал с месяц мальчишкой в галантерейной лавке в торговом селе Старая-Майна у купца Никифорова. Ушел оттуда—не понравилось. Поступил мальчишкой в мануфактурный магазин купца Березина в Посаде—Мелекеске, за сорок верст от родного села. Пробыл год—тоже не понравилось. Познакомился в это время с одним потом крестьянином-самоучкой Денисовым, который печатал свои стихи

в Петербургском «Сельском вестнике». Разжег он мои поэтические страсти, внушил мысль, что мне нужно учиться.

Александр Неверов.

Осенью в 1903 году я бросаю магазинную службу, поступаю в первый класс Озерской второклассной церковной при-

ходской школы на стипендию. Через три года становлюсь учителем школы грамоты, получаю жалованья 10 рублей в месяц и в этом звании прошло у меня около шести лет по разным глухим деревушкам Ставропольского уезда.

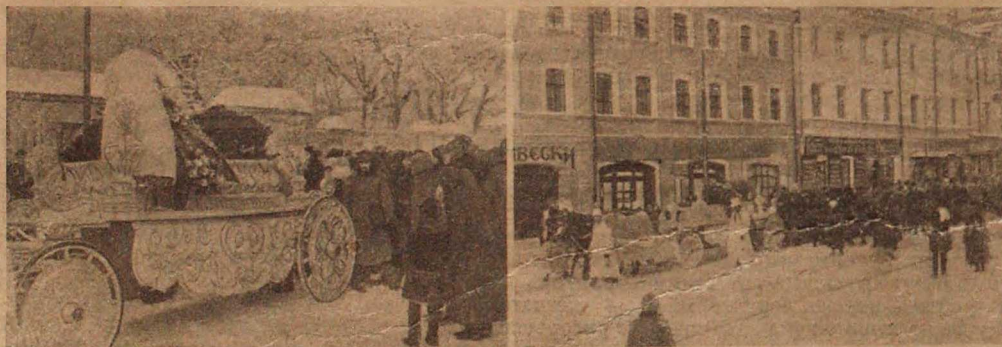
Потом служил земским учителем до 1915 года. В 1915 г. был мобилизован, как ратник ополчения второго разряда. В военных действиях не участвовал. После Октябрьской революции учительство бросил, служил в Самаре. В 1922 г. переехал в Москву и теперь занимаюсь исключительно литературной работой.

Первый мой рассказ «Горе залили» был напечатан в Петербургском журнале «Вестник трезвости» в 1906 г., когда я был еще учеником третьего класса Озерской второклассной школы. Потом печатался в журналах: «Русское богатство», «Современный мир», «Жизнь для всех», «Новый голос» и др. В 1919 г. на всероссийском конкурсе в Москве мои рассказы: «По новому» и «Случай из жизни Саньки маляра» получили третью премию. А в 1920 г. на всероссийском конкурсе Госиздата моя пьеса «Бабы» получила первую премию и в этом же году на всероссийском конкурсе ТЕО мои пьесы: «Захарова смерть» и «Гражданская война», социальная драма массового действия, получили вторую премию. Изданы следующие книги моего сочинения:

«Бабы»—пьеса в 4-х д., «Захарова смерть»—драма в 4-х д., «Смех и горе»,—комедия в 3-х д., «Гражданская война»—пьеса в 2-х картинах, «Женское засилье»—пьеса в 1-м д., «Молодые побеги»—детская пьеса в 1-м д., «Поросенок»—рассказы, «Марья-большевичка»—рассказы, «Новый дом»—рассказы, «На земле»,—рассказы, I том, «Лино-жизни»—рассказы 2-й том.

Готовятся к изданию: «Гуси-лебеди»—роман, 3-й т. Повести и рассказы 4-й том.

Ал. др. Неверов.

Похороны А. С. Неверова в Москве.

И выходит у него это так правильно, будто всю жизнь «докладывал» о господах пришедших.

И пальто или шубу помогал сбрасывать, а когда уходили, ждал чаевых швейцаром. Давали, отвернув лицо от провалившегося носа с широкими ноздрями.

— Вам по руке, или по научным картам?..

Девушка,—любопытная, боится узнать все о себе (а вдруг смерть скоро), сжалась от любопытства и от того, что сердце молодчиками выбивает... Советовали послушать попойку...

— Вы очень счастливая, друг мой,—очень. И талантливая: вот, видите поду-

шечки у изначальца безымянного пальца?.. Чего у вас дрожит так рука, милая?.. Вытяните ее больше, вот так... Характер у вас—мягкий, доверчивый... Линия жизни, вот, видите, куда заехала?.. Хорошо!.. И любить будете без памен...

Видано-ли, чтоб ястребиные глаза и гробница-платье венчали солнце, только солнце?.. Сегодня венчают девушке,—как захотела хиромантка.

И уходит зарумянившись, девушка с подушечками у изначальца безымянного пальца левой руки.

— К вам, Антонина Григорьевна... Прикажете принять?

Тошноты, с подбородком, как отвислый

намордник, со свиными глазками. Говорит, будто гладит свою клочковатую бородку,—уверенно, с раскатом в голосе, на «о».

— Безносый-то ваш капельдинер, сударыня,—признак цегожий-с! Всяк магазин по вывеске знается... А ваше дело, что магазин, и капельдинер—вроде вывески... Поверьте!..

Несчастный Глеб... Хиромантка бросает в отместку и в глаза свиные, и в отвислый намордник, и в кровяные жилки на лице—злое, ушибившее своей гадалочьей тайной:

— Вы, гражданин, по делу о риске своего предприятия пришли, предупредить несчастный случай?!

Двухподбородный забыл о «капельдинере»

провалившимся носом,—сжали слова хиромантки, угадавшей по виду.

— Верно изволили сказать... Посовещаться пришел по неприятному-с дельцу...

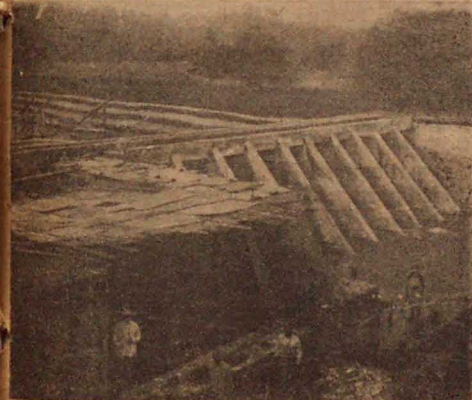
Подумала: «не лицо, а окорок; хам колбасный». Сказала:

— Вам по руке или по научным картам?..

— Было-б, сударыня, хорошо—и по тому и по другому: очень уж неприятное дельце вышло... Особенно надобно по научным картам: рука, знаете-ли, хе-хе... потеряла линии от работы, перепутались они...

Вот с такого взять по-больше—заплатит,

Электричество в деревне.

В 20 верстах от Москвы, близ станции Хлебниково, Савеловской ж. д., в селе Котове уже с 1922 г. строится Мысовск я гидро-электрическая станция. Эта постройка должна использовать энергию падения реки Клязьмы, оживив целый ряд совхозов и предприятий. Гл. значение станции—в живости приложения ее энергии для сельского хозяйства. Она явится первым в своем роде «деревенским» расщепителем электричества и послужит прототипом для проектируемых Наркомземом многочисленных и могущих произвести переворот в нашей агрономии станций.

Сейчас на Мысовке идет монтаж 2 турбин, использующих течение Клязьмы и в общем развивающих энергию до 20 лошадиных сил. Сто тридцать киловатт-часов станционного тока перерабатывается до напряжения в 6.000 вольт.

Станция осажается крестьянами, желающими получить от Мысовки свет и тепло. «Все деревня освещена», говорится в некоторых из этих заявлений, «и только мой дом стоит темный». В зимние вечера станция даст 2.000 крестьянских семейств возможность работать при ровном освещении, приведет в движение сотни машин и создаст новые в этой местности производства, как-то: котельно-термическое, паточное, сыроварное, маслобойное и пр.

Для «смычки» город с деревней подобные станции имеют значение первостепенной важности.

Наверху электрический свет в крестьянской избе. Внизу: река Клязьма, удерживаемая плотинами. Работы по установке турбин.

ПАМЯТИ БОРЦОВ.

Фот. А. Шайхет.

Открытие мемориальной доски рабочим Красной Пресни, с указанием расстрелянных в 1905 году царем.

не разворится,—и хиромантка, из тридцать девятой квартиры, говорит и тонкими пальцами хрустит по картам:

— По научным—дороже. С вас—пять миллионов.

— Ладно-с! Только по научному, сударыня: у нас наука всегда в почете... У меня-с профессор один забирает всегда провизию—даем в кредит... Хе-хе...

...А утром хиромантка забирает в портфель отношения и пакеты, сует все в пубку, разносит по разным учреждениям, к шести семенит к дому с наклеенной лентой из пожелтевших белых бумажек над навесом кавказского погребка.

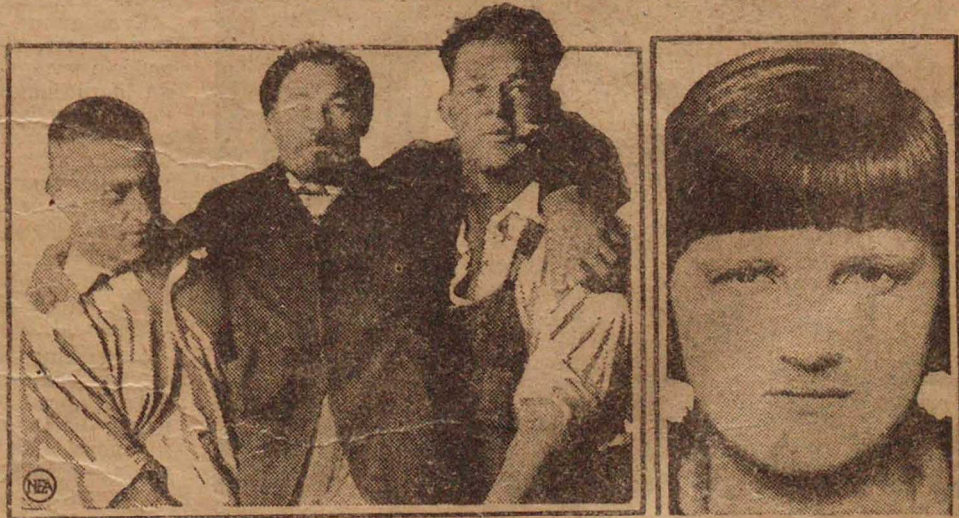
Хиромантке не узнать самой про судьбу свою, как не узнать и тем, что в судьбу верят,—что есть хиромантка.

А с людьми случается иногда так путанно, что думают—судьба вмешалась. Ибо «судьба»—слово—и есть путаница в людских умах, и объяснить всего—никто не сумеет.

И к Антонине Григорьевне Белозерской, к старой Тосе с пупырушками под глазами с узким разрезом—привалила своя судьба, увидав бумажки у ворот дома, где жила хиромантка-психолог «известная всему Петрограду».

С утра в то воскресенье стоял человек с рогами-усами на Загородном, совал

Нравы культурной Америки.

«Исполнится воля закона!», пишут американские газеты, и горбатого несчастного старика Артура Козеля, бывшего из ревности свою золотку, волокут подмышками к орудию цивилизованной казни—электрическому стулу. Рядом—портрет тринадцатилетней Фриды Дентон, приговоренной к пятнадцати годам каторги за мелкую кражу.

Наш, дивящийся американскую и европейскую юстицию, уголовный кодекс за первое из указанных преступлений карает тремя годами, за второе—может малолетнего и совсем не накажать.

в руки всем напечатанные каучуком бумажки и гнусавил, если спрашивали:

...— Не спутайте только: в 10-м шарлатанка.

— Русский самородок, гражданин... поверьте!

И сунул, не увидев кому, листочек—даме в каракулях и фетровых обстроченных мехом ботах и с ней мужчине—полному, бритому, в морской «капитанке».

Услышал и обрадовался:

— Зайдем на минуточку... Интересно... Угадывает прошлое и будущее,—пусть скажет мне хоть об одном из них!.. Зайдем, а?!

Смеялись оба, а потом прошли под дворовую арку, где на стене—деревяшка с нарисованной рукой—

«Хиромантка—в кв. 39».

А человек с провалившимся широко-ноздревым носом и мешковатым пальто до пяток бежал, путаясь в полах, к трамваю: напомнить прохожим о «психологехиромантке»—русском «самородке».

...Из комнаты, где на круглом столике с бархатной скатертью лежали «научные карты», а у стола сидела женщина в черном, как жрец,—вышла довольной девушка, гадавшая о милом по фотографической карточке, и пропустила к дверям даму в каракулях и фетровых ботах,—смеявшуюся, нетерпеливую.

И, уже стоя в комнате гадальщицы, дама крикнула в прихожую:

— Юрик, ты не входи сюда!.. Я сама...

Ястребиные глаза вскидывают обычное:

— Вам по руке или по научным картам?..

— По руке, пожалуйста... Деньги вот—нате...

Она была еще красивой, под каракулями полно дышала грудь, а в ушах агатовые серьги качались черными огоньками, как вынутые темные глаза женщины. А щеки были розовые, но не свои—чужие, краской закрывшие прежнюю свою жизнь.

Только щекам розовым и губам с нанесенной на них для задора мушкой—нет дела до той,—своей, прежней; они пьют новую—с отравой последнего хмеля. Хмель—в морской картузе, в «капитанке».

Та, что сидела, поджидая, у стола,—узнала. Узнала по темным знакомым глазам, по грудномуговору.

Анна!.. Жена Глеба Белозерского, провалившегося после ухода ее и нос и жизнь в гнойничках сифилиса!..

Сказать, разве, крикнуть. Ястребиные глаза клонули, только не каракуль и агат в серьгах, а себя самое,—хиромантку в глухом черном платье; клонули и выдвигали слабость старой Тоси... А та, другая,—не узнала: стерла краской прошлое.

...— У вас, сударыня, была большая перемена в жизни... Вот, видите: линия жизни у вас не ровная и не сплошная... Вот с этого места и до конца—прерывисто...

И характер у вас неровный...

С глазами что-то неладное, недоброе: потеряли ястребиные клювы воробьиными не стали; в глазах, вдруг, красные капли, без удержу, на—зло:

— Талантов у вас—ни каких... душа легенькая!..

И дальше—в клубке спутались красные капли из глаз, и слова, как иглы—острые, колючие...

...— И сами вы—и адшая женщина: были, есть и будете... Слышите?... Убежали от мужа, убили всю жизнь!.. Тзари!.. Слышала уже не только ком-

Стремление к самобытному танцу

Вылощенное балетное искусство, танцевальные подделки под всякого рода экзотику успели уже надоесть европейскому зрителю. Лондон, Париж и Нью-Йорк интересуются сейчас самобытным туземным танцем гораздо больше, чем гаже нашумевшим русским балетом. Яванская танцовщица Така-Така и «настоящие» негры пожинают бурные аплодисменты и восторги пресыщенного Запада.

Наш снимок воспроизводит еще одну восходящую знаменитость этого жанра, индийскую танцовщицу Рони Робертс, выступающую под именем «Пурпурный расцвет». Прибыв после столичных триумфов в свою родную Калифорнию, танцовщица идет при 20-ти градусном морозе купаться в реку.

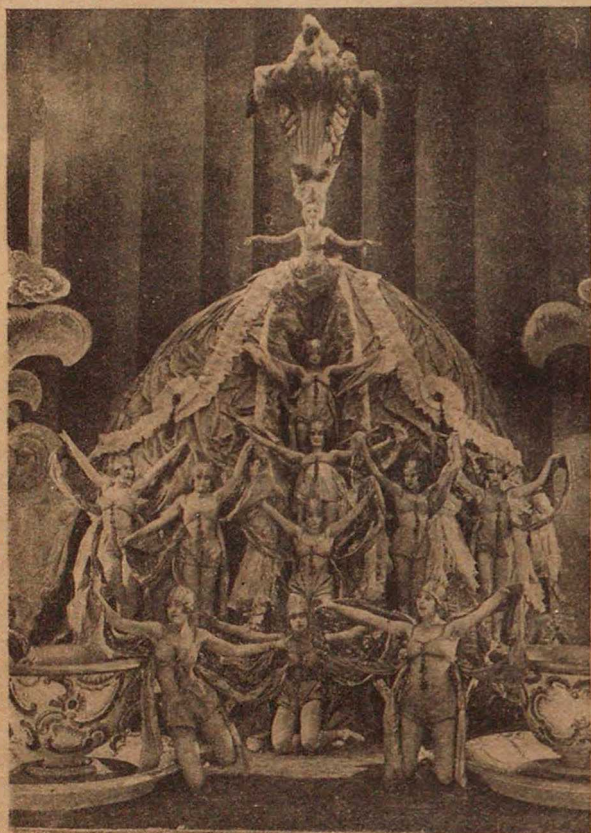
Виктор Долидзе.

В. Долидзе молодой грузинский композитор, прибывший в Москву обратил на себя внимание постановкой оперы «Кето и Котэ» в театре б. Зимина.

Берлинский кино-балет.

Фот. Р.-Р.-Н.-С.

В грандиозном ателье у берлинского Зоологического сада производится сейчас съемка балета «Колибри», со знаменитой Осси Освальда, героиней, имевшей такой успех в Москве «Принцессы устриц»—в главной роли. Съемка балета идет на настоящей сцене в сопровождении специально написанной музыки. Сюжет балета—игрушечно фривольный и рассчитан на немногие тысячи темных спекулянтских жен, которым уже успели надоесть серьезные исторически-мистические шедевры германской кинематографии. Наши фотографии воспроизводят отдельные моменты съемки.

„Шехеразада“ в Московском Большом театре.

Очерк Г. И. Геронского.

Форпост реакционной театральщины, застоявшееся озеро, блистательный балет Академического Большого театра проявляет за последнее время признаки неожиданной резвости. Дыхание революции, ломка старого искусства не падают танцевального заповедника. Скрепя сердце, боясь прослыть отсталыми,—идут на уступки директора академических балетных фабрик; сотни прекрасно сложенных с малолетства установленных человеческих машин, мало-по-малу получают право дышать на сцене, играть не для музейных зарисовок, не для ценителей из первых трех рядов.

Прошлогоднее «Каприччио», вчерашняя «Шехеразада» показывают, что превращение Большого театра в склад удивляющих только иностранцев ценностей успело уже кое-кому надоесть. На сцене — *конструктивная площадка*; Рейзен, Смольцов и Жуков меньше чем всегда гонятся за двухстолетними эффектами избитых классических движений. Конечно, все это невыдержанно;—рядом с площадкой сохраняется аляповатый дворец из декорационных запасов 60 гг., танцоры делают тысячи неоправданных, неэффективных, неосмысленных движений. Подвиг постановщика, рискнувшего в этих заплесневевших хоромашах открыть отдушину для жизни и революции, нашел мало подражателей, рассосался, не был доведен до конца.

Не получили также оформления историческая и музыкальная стороны этого дерзания. «Шехеразада» подана, как поэма восточ-

Группа главных исполнителей «Шехеразеды». В первом ряду сидят М. Рейзен и зав. электростанцией Большого театра. Во втором ряду—Г. Сидоров, режиссер спектакля Л. А. Жуков, худ. Сапегин и Л. Лащилин.

Сцена из «Шехеразеды».

ной медлительности, искусства ничего не делать, жить надоевшими сказками. Режиссер и дирижер не подчеркнули более современных мотивов арабского мифа и музыки Римского-Корсакова. Действительность «Шехеразеды», красочный пафос, подвижность первого после Гомера авантюрного романа не были подхвачены.

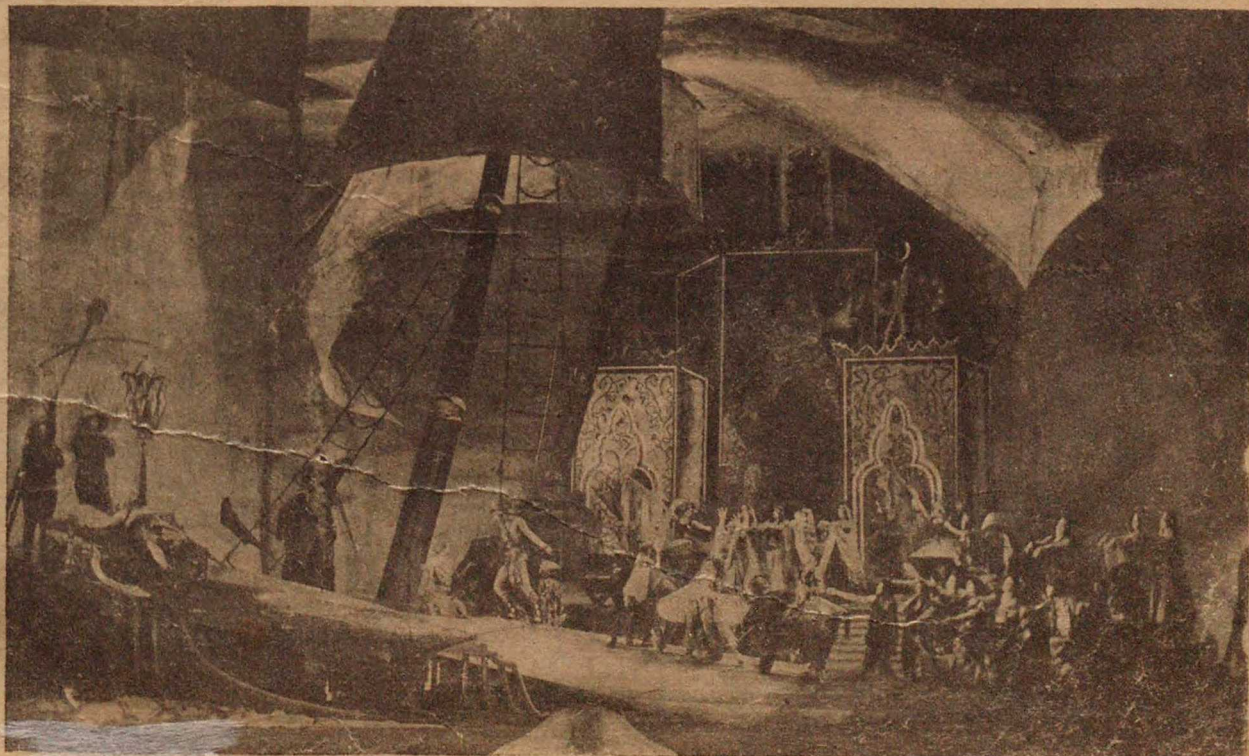
В остальном—обычный, слаженный, тренированный, лакированный, экспортный спектакль. Богатство постановки, бездна статистов, световые эффекты, позолоченный зал Большого театра, как всегда обрадовали неожиданных такой сохранности императорского наследства и не посещающих передовые русские театры иностранцев, а равно и всех отечественных зрителей о «прекрасном» и «сказочном», как эта сцена, прошлом.

ната, оглушенная кричащей женщиной, и не только та другая—в каракулях, с агатами. услышала ждавшая прихожая и тот, что ворвался на крик с бритым побелевшим лицом...

— Ах, ты, подлая... старая сволочь! Как ты смеешь?! Хитромантка теребила в палу грудь, ища под ней сердце, а мысль, вырвавшаяся к прошлему, била:

«За брата, за все... все...»

И очнувшись, увидав перед собой бритого «Юрика», и не «Юрика», а...

Сцена из постановки «Шехеразеды». В главных ролях—М. Р. Рейзен, В. Смольцов, Л. Лащилин и др.

Скончался Стейнлен, крупнейший рисовальщик Франции. Девятнадцать лет он прибыл в столицу мира—Париж, обосновался на Монмартре, квартале художников, писателей, почтовых ресторанов и авантюристов всего мира, где на каждом шагу чередуются нищета и богатство, где развертываются величайшие трагедии и откуда в свое время сотнями томов черпали материал Бальзак, Флобер и Золя.

Художник Стейнлен.

Стейнлен очень походил на Золя своим талантом Тот и другой подмечали жизнь—ничтожность и несчастье людей под самыми их блистательными покровами. Оба яркими мазками изображали судьбы людской толпы, стонущей под игом богатых. В ра-

боте, в развлечениях, в бунте, в мистике рисунков Стейнлена и романов Золя от разработки мельчайших индивидуальных деталей никогда не страдало единственное действующее лицо—толпа. В позолоченной и насквозь лживой Франции,—стране классических торгашей и мецан;—Стейнлен явился первым социальным художником.

Он был сверх того «божьей милостью» рисовальщиком—Стейнлена нельзя себе представить в иной роли. В других общественных условиях Стейнлен был бы давно великим человеком, удостоенным прижизненного памятника и почетной гробницы в национальном Пантеоне. В стране господина Пуанкаре шестидесятилетний Стейнлен умер в нищете, сохранив при самых тяжелых условиях невероятную бодрость духа, чувство товарищеской солидарности со всеми угнетенными, непреклонную гордость и бескорыстие. В парижском крематории неделю тому назад сожгли тело художника. Грядущая французская настоящая революция поставит ему одному из первых памятник.

Г—ий.

Лежать сугроб. Сидеть заборы.
Вскочить в огне твоё окно.
И пусть я лишь шарманщик старый
Шарманкой сердце пой во мне.
Полночь молчать. Хрипеть минуты.
Вдрызг пьяная тоска визжать.
Ты будь мой только подвиг сотый,
Который мне до звезд воспеть!
Лишь вправься в медальон окошка,
И все, что в сто пудов во мне,
Что тяжело поднять букашке,
Так незначительно слону.
Ах, губы лишь края у раны,
Их кличкой берзку твоей!
Не мне ль московская Ворона
Была обещана тобой?!
Зов об окно дробится пеной
И снегом упадет вниз.
Слеза тянись вожжей соленой
Вожжей упущенной из глаз.
Тобой пусть медальон окошка,
Сугроб так низок до окна
И муравью поднять так тяжко,
Что незначительно слону.

Вадим Шершеневич.

Уголок эмигрантского жития.

Фот. I. I. Paris.

Ночной снимок Парижа. На углу—кабарэ «Хаз-Булат»—место, где эмигрантская и парижская буржуазия может вспомнить что Россия есть веселье—лито.

Юрия Дмитриевича Корюшина, Корюшина—завхоза транспортной портовой конторы...

— Вот как?! Несчастная какая-то курьерша и дурачит шарлатански народ... еще оскорбляет честных женщин... В тюрьме сгною мерзавку!.. в тюрьму за обман!.. И ушел, напружинив голос злобною бранью, держа у плеча каракуль. По воротам рванул с силой полинявшую надпись с нарисованной рукой...

...Лежала, не выходи, днями на постели а в другой комнате, то-же не выходя курил «козью ножку» сифилитик Глеб, сворачивая ее из белых, уже ненужных бумажек...

...В транспортной конторе не стал курьерши Белозерской—за «неявку на службу», да еще потому, что все прочли памятный «шарлатанский» листок о том, что хиромант-психолог в квартире 39...

...определяет судьбу всю с детства по чертам лица и линиям рук и предупреждает несчастные случаи...

Мит. Козаков.

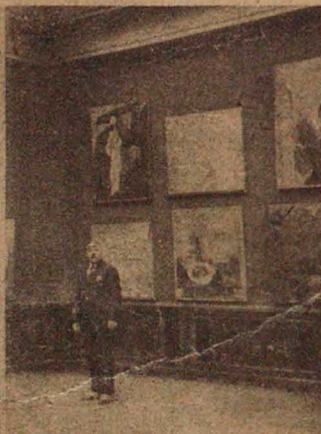
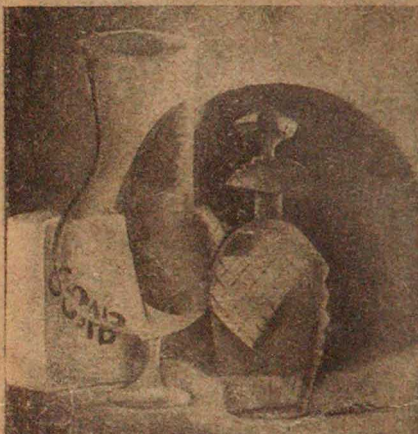
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на иллюстрированный еженедельник

„ОГОНЕК“

Усл. подписки см. на обложке номера 3 (42).

Русские художники в Париже.

В Москву на днях прибыли из полугодовой командировки в Париж известные русские художники Павел Кузнецов и Елена Бебутова. На наших снимках мы даем выставку произведений Кузнецова и Бебутовой в галерее «Арт-де-Ван» с 3 по 15 ноября 1923 года. Слева направо: 1) «Стакан»—рзб. Елены Бебутовой, 2) Выставка Павла Кузнецова и сам художник, 3, Елена Бебутова у своих картин, 4 «Композиция»—Павла Кузнецова.

Какие лица пригодны для кино?

Очерк М. Смелянова.

В России фабрикует очень мало кинокартин. Все производственные фирмы, занятые в текущем году съемками, сняли

где не было бы кинематографической студии.

Что заставляет молодежь идти в киностудии? Желание играть в кино—увековечить себя на экране хотя бы в одной только картине. Ведь фильму, а следовательно и актеру, играющего в ней, может видеть не только родной город, но весь мир. Желание играть для вечности, для всего мира так сильно, что молодежь переполняет киностудии какого-нибудь города, где съемки немислимы, где шансы на то, чтобы играть для экрана не равны даже одному проценту.

Кино капризен и принимает далеко не каждого. Не все лица выходят четко на экране. И ученик киностудии, даже очень способный и старательный, может оказаться совершенно негодным для кино. Ученика от этого фиаско может спасти отбор руководителями студии.

При начале занятий, тщательная проверка черт лица, предварительная съемка. Все это делается редко. Во-первых, киностудии—предприятия коммерческие и их руководители не хотят терять платных учеников. Во-вторых, руководители студий, и не только провинциальных, но и столичных, большей частью сами мало знакомы с практической кинематографией и им трудно определить пригодность того или иного лица к съемкам. А приглашение киноаппарата для экспертизы они считают уменьшением собственного авторитета.

Запад далеко шагнул вперед в деле подготовки для кино новых кадров. Америка имеет школы, являющиеся настоящими фабриками кино-артистов. И туда не принимают ни одного человека, лицо которого не может выйти на экране. Американские режиссеры создали целую теорию о пригодности лиц для экрана. Но и там бывают ошибки. Кино очень капризно. Теоретически вполне подходящее лицо оно может сделать плоским и невыразительным. И наоборот, совсем не подходящее лицо может на практике оказаться наиболее ярким и выпуклым на экране. Но это—немногие исключения, которые только подтверждают теорию.

Какие лица выходят на экране? Читатель, не знающий законов кино, уверен, что это должны быть обязательно красивые лица. Конечно, желательно и всем приятно, чтобы лицо актера, а в особенности актрисы экрана было красиво. Но не всякое красивое лицо выйдет хорошо на экране. И некрасивое лицо может часто на экране быть лучше и приятней красивого. Экран не требует ни красоты, ни подобранности черт лица, а—скульптурности. Хорошо выходят лишь те лица, которые скульптурны, по чертам которых прошел будто бы резец ваятеля.

Скульптурность лица выражается в выпуклости, очерченности, а часто и подчеркнутости тех или иных черт лица. Это доказывает фотография загримированного

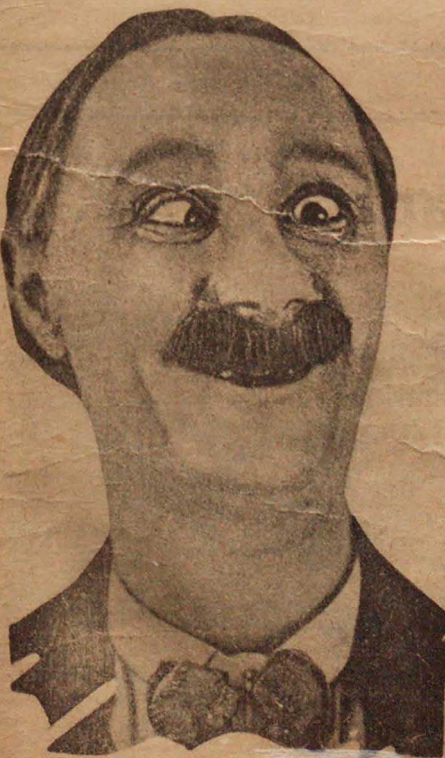
Чарли Чаплин, безусловно хорошо выходящий на экране.

Лицо, живо выходящее при съемке.

актера. Экран же не воспринимает грима. Кино требует естественности. Нельзя куском краски сделать выпуклы мало очерченные черты. На экране грим получается подобно чернильному пятну, расплывшемуся по физиономии.

Точнее: для того, чтобы хорошо выйти на экране, нужны выдающиеся черты лица. Это не значит, что они должны быть обязательно крупны. Мелкие черты лица также могут быть выпуклыми, выдающимися, и тогда они хорошо и ярко выходят на экране. Это бывает не очень часто. Необходимую скульптурность в большей мере дают крупные черты лица. Большой нос, не всегда красивый в жизни, дает на эк-

Лицо, выпукло выходящее на экране.

Красивое лицо, непригодное для съемок.

Лицо, мало выразительное на экране.

Новые изобретения.

Фот. Дж. Грауденц.

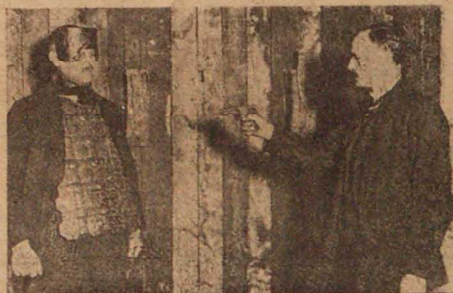
Шифровальная пишущая машина, механически шифрующая телеграммы и немедленно передающая их на радио-аппарат, распространяя их отсюда по любому назначению. Машинкой достигается полная секретность и точность зашифрования.

ране более живое впечатление о человеке. Резко очерченный рот с крупными губами на экране более жизненен. Большие глаза — более выразительны.

Из известных кино-актеров большинство красивей и интересней на экране, чем в жизни. Возьмем Мэри Пикфорд, лучшую мировую кино-актрису, американку. В жизни она миловидна. У нее не крупные, правильные черты. Но зато скульпторность ее лица необыкновенна. Ее небольшой, ровный нос поднят к лицу не под обычным углом, а будто бы скульптор, высекая фигуры из мрамора, слишком глубоко ударил резцом по мрамору. Ее скулы, совершенно ровные, делают значительный изгиб над ухом. Поэтому на экране Мэри Пикфорд — первая красавица и лучшая актриса.

Новые изобретения.

Фот. Дж. Грауденц.

Панцырь от пуль всех систем, недавно усовершенствованный и после многомесячных опытов признанный совершенной защитой при выстрелах с любого расстояния.

В противоположность Пикфорд, знаменитая русская актриса Вера Холодная была красива в жизни и экран не совсем верно передавал ее черты. И поэтому, оставаясь красивой и на экране, Холодная не могла передать мимики и жизненных настроений на экране.

Знаменитая итальянская актриса Франческа Бертини не красива. На экране же, благодаря исключительной скульптурности лица, резкой очерченности крупных черт его, она красива и эффектна. Также самое можно сказать и о знаменитой германской актрисе, Поли Негри.

Лицо, хорошо выходящее при съеме.

Актеры не отличаются от актрис. У Дугласа Фербанкса — невыразительное и некрасивое лицо сорокалетнего, самодовольного янки. Это не мешает ему быть на экране красавцем и героем, благодаря тому, что у него резко очерченный, скульптурный овал лица и остальные черты равняются по овалу.

Знаменитый Чаплин тоже замечателен лишь потому, что природа одарила его необычайно подвижным лицом с овалом резко суживающимся к низу.

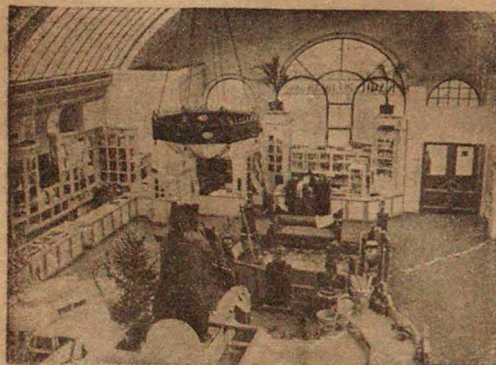
Некрасивый русский актер И. Н. Худолеев, благодаря резкой очерченности и крупным чертам лица, выигрывает на экране. А эффектный в жизни В. В. Максимов, на экране дает лишь мелкие, неяркие черты лица.

М. Смелянов.

Издатель: „Мосполиграф“.

Редактор: Мих. Кольцов.

Универсальный базар.

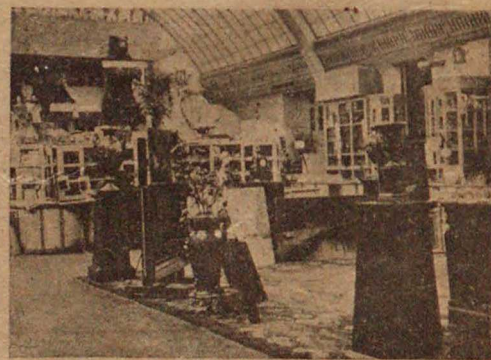

Внутренний вид кузнечного Универсального базара «Pittoresque».

«Pittoresque» открыт 10-го ноября п/с. на Кузнечном Мосту в доме №5/9, ныне лишь восстановленным, заново оборудованным и устроенным в Европейском стиле.

Колоссальное, светлое, отопляемое здание им. 30 отлов раб. отраслей торговли, крупных фирм, лучших товаров русских и зарубежных марок.

Здесь же открыт кафе-ресторан, торговля производится в течение дня, без перерыва на обед, от 11 утра до 7 ч. вч. ра. От 4-х часов вечера до закрытия во время торговли играет салонный оркестр. Основным базар является в своем роде единственным не только в Москве, но и в России.

Внутренний вид кузнечного Универсального базара «Pittoresque».

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
„СЧЕТОВОДСТВО“

Издание Отдела Учета Хоз. Деятельн. при
Москов. Отдел. Русского Технич. О-ва.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО, НАЧИНАЯ С ОКТЯБРЯ 1923 г.

Цена отдельного номера { 1 руб. (черв.) без. перес.
1 р. 10 к. с пересылкой.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

- 1) С октября 1923 г. по март 1924 г. { 6 руб. без перес.
6 руб. 50 к. с пер
- 2) С января по март 1924 г. { 3 руб без. перес.
3 руб. 25 к. с пер.

Контора редакции: Москва, Садовая, Земляной Вал, д. № 47, кв. 1. тел. 1-07-83.

Редактор *Н. А. Кипарисов.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОСПОЛИГРАФ“.

Тверская, Благовещенский переулок, 3, тел. 4-80-08.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК

— „НЕДРА“ —

Под редакцией Н. С. Ангарского.

ПЕЧАТАЕТСЯ КНИГА 4-я.

СОДЕРЖАНИЕ:

А. Серафимович.—Повесть из цикла „Борьба“. С. Сергеев-Ценский.—Рассказ профессора. М. Булгаков.—Дьяволида, рассказ. Вл. Кириллов.—О детстве, море и красном знамени, поэма. Стихи Ел. Полонской и Л. Орешина.—Неизданные материалы: письма И. С. Тургенева.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА 5-я.

Предполагаемое содержание: Н. Ляшко.—В разлом, повесть. А. Яковлев.—Без берегов, повесть. М. Герасимов.—Проститутка, поэма. Н. Никандров.—Заготконтора, рассказ.

„БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО“.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ:

В. Маргерит.—Моника Лербье (*La garçonne*), роман.
Цена 1 руб. 25 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Вс. Иванов.—Сопки, рассказ, том I. Его же.—Возвращение Будды (рассказ, т. II). Н. Никандров.—Рынок любви, рассказы. В. Маргерит.—Товарищ, ром.

Новый адрес Редакции: Мясницкая, д. 24, кв. 62.

Книжным магазинам предоставляется обычная скидка. Заказы принимаются в МОСКВЕ по вышеуказанному адресу и по тел. 4-80-08 и 86-87. В ПРОВИНЦИЮ книги высылаются немедленно по получении стоимости заказа. Контрагенты по розничной продаже могут получать книги совместно с журналом „ОГОНЕК“ и вести расчеты с Главной Конторой „ОГОНЬКА“.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ВРАЧЕЙ СПЕЦИАЛИСТОВ

(бывшая Мясницкая) Мясницкие ворота, 28; трамвай: А, В, 4, 6, 34; тел. 1-89-93.

Внутрен. с 9—9 ч.	Кож., венер. и моче-	Уха, гор. и нос. 10—9.
Детские . . 9—7 ч.	пол. отд с 9—9 ч. в.	Туберкулез. с 4—7.
Нервные. . 3—8 ч.	Глаз. с 11—2; 4—8 ч.	Зуб. искус. зуб. 10-9.
Женские . . 11—9 ч.	Хирургич. с 11—8 ч.	Желуд. с 10-1; 6-8 ч.

Анализы мочи, крови, мокроты, кала, желудочного сока и пр.

По воскресеньям и праздникам прием больных с 9 до 4 час.

ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ

ВЕНЕРОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

д-ра ВАЙНШТЕЙНА

М. Дмитровка, д. 8, кв. 20.

Прием по сифил. венерическ., мочеполовым ежедневно
во всякое время муж. и жен.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

1924 г.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

Огонек

Издание „МОСПОЛИГРАФ“

Самый распространенный иллюстрированный
еженедельник в СССР.

„Огонек“

дает яркую и разнообразную картину быта и строительства нашей возрождающейся страны, отображает в богатом литературном, художественном и фотографическом материале лихорадочный темп сложной и интересной политической и культурной жизни всего мира.

„Огонек“

дает в каждом номере рассказы, стихи и очерки лучших русских и иностранных авторов.

В „Огоньке“

из номера в номер в фотографиях, оригинальных рисунках, зарисовках, шаржах и карикатурах всесторонне освещаются все последние события дня, политическая жизнь, новости культуры, науки, искусства, сельского хозяйства, спорта, коллекционирования, курьезы и гримасы современного быта в России и за границей.

В „Огоньке“

находит себе полное и всестороннее освещение жизнь всех даже самых отдаленных уголков нашей, перепаханной Революцией, необъятной страны.

В вышедших номерах „Огонька“ напечатаны произведения следующих авторов:

РАССКАЗЫ и СТИХИ:

А. Аросева, Н. Асеев, М. Андреева, Н. Ашукина, В. Александровского, Л. Борисова, С. Бондарина, Б. Бобович, А. Балагина, Анри Барбюса, В. Василенко, С. Вашенцева, Ю. Волина, Максима Горького, О. Генри, А. С. Грина, С. Городецкого, Л. Гумилевского, Эм. Германа, С. Гехта, Мориса Дорен, Жоржа Дюамель, Джекобса, Доля, А. Дорогойченко, С. Есенина, А. Жарова, Ефима Зозули, С. Заяцкого, М. Зощенко, М. Зенкевича, Бласко Ибаньеса, Веры Ильиной, Вал. Катаева, Марка Криницкого, С. Клычкова, Вл. Лидина, Вл. Ленского, Нир. Левина, Вл. Маяковского, О. Мандельштама, В. Муйжеля, А. Мариенгофа, Л. Митницкого, Эм. Миндлина, Л. Никулина, Н. Никандрова, В. Нарбута, О. Л. Д'Ора, Н. Огнева, Я. Окунова, К. Онищенко, П. Орешина, А. Оленин, М. Пришвина, Вал. Парнаха, Г. Петникова, Н. Потапенко, Н. Павлович, Н. Полетаева, Б. Розова, Ильи Ренца, Андре Рамсан, Семена Родова, А. Серафимовича, А. Соболя, М. Слонимского, Жан Сен, Е. Стырской, Евг. Симбирского, Елены Сергеевой, В. Г. Тана, А. Толстого, Н. Тихонова, В. Финка, А. Н. Чарова, В. Черновярова, М. Шагинян, В. Шершеневича, А. Ширневца, Ильи Эренбурга и мн. др.

СТАТЬИ и ОЧЕРКИ:

М. Ашенбреннера, М. Артамонова, наркома Н. Брюханова, Я. Бранденбургского, Я. Блюмкина, О. Брика, Гертруды Бизли, Н. Боброва, С. Бройде, Л. Бархаша, В. Вишнева, П. Гурова, С. Гехта, Г. И. Героного, К. Григорьева, нарко-

ма В. Довгалева, Я. Долецкого, Л. Думского, Г. Зиновьева, В. Зофа, И. Залинда, С. Ингулова, М. Калинина, О. Каменевой, П. Керженцева, А. Нурской, Мих. Кольцова, проф. Н. Н. Кольцова, В. Коларова, А. Коллонтай, Лили Найт, проф. П. Ногана, Н. Номаковского, В. Нутузова, А. Кривошеева, П. Лебедева, Н. Ландера, А. Ломова, А. В. Луначарского, проф. Лемана Лукаса, М. Левинова, Вал. Легат, проф. Левитина, С. Любимова, А. Лубовича, А. Меньшого, Н. Мещерякова, наркома И. Милютин, проф. Е. Марцинковского, Вили Мюнценберга, Н. Мехоношина, Д. Маллори, А. Орлинского, И. Перетерского, А. Пороховщикова, П. Перовского, Лариссы Рейснер, М. Рогова, проф. Н. Рынина, Л. Рябинина, наркома Н. Семашко, наркома А. Смирнова, З. Соловьева, Ю. Соболева, М. Смелянова, Л. Солнцева, А. Топоркова, М. Тарловского, Г. Феддерса, Арт. Халатова, Х. Херсонского, Илары Цетин, Е. Цетлина, А. Цуккера, В. Шеншева, проф. П. Ю. Шмидта, А. Швецова и мн. др.

Фотографы ОГОНЬКА:

Л. Бериштейн, В. Болсуновский, С. Бранзбург, М. Гальперин, Г. Гольдштейн, Д. Грауденц, А. Gross, Ж. Леконте, В. Лобода, М. С. Наппельбаум, Петр Оцуп, Пагнаев-Дольский, Press-Photo News-Service, А. Поповский, В. Савельев, А. Самсонов, Сахаров, Орлов и мн. др.

Художники ОГОНЬКА:

И. Владимиров, В. Гор, Дени, Бор. Ефимов, С. Лодыгин, Родченко, К. Ротов, В. Сварог.

Постоянные корреспонденты ОГОНЬКА: В Берлине, Вене, Лондоне, Нью-Йорке, Софии, Пекине, Шанхае, Константинополе, Варшаве, Риге и др. городах за границей.

Свыше 100 постоянных фото-корреспондентов в городах СССР.

Подписная цена на „Огонек“ на 1924 г. — 7 черв. руб. Допускается рассрочка в 2 срока (до 1 января—4 рубля, и до 1 июня—3 руб.) и в 3 срока (до 1 янв.—3 руб., до 1 марта—2 руб. и до 1 июня—2 руб.). Для рабочих и служащих при коллективной подписке допускается льготная рассрочка в 5 сроков (до 1 янв.—2 руб., а затем ежемесячно до 1 июня—по 1 руб.). Подписная цена на 1 месяц—70 черв. коп.

Выписывающие „Огонек“ на 1924 г. без рассрочки получают журнал в течение декабря бесплатно.

Переводы направлять в Главную Контору журнала „Огонек“, Москва, Тверская, Благовещенский переулок, № 3. Телеграфный адрес: „Москва—Огонек“.